

Из истории зоологии беспозвоночных в Московском университете

Член корреспондент РАН В.В.Малахов
 Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

Чтобы шагать в ногу со временем, в Московском университете чуть ли не ежегодно появляются новые факультеты. Тем не менее, хранителями традиций русских научных и образовательных школ остаются старые факультеты и кафедры. Одна из них — кафедра зоологии беспозвоночных. Официально она создана в 1930 г., когда на базе физико-математического факультета возник биологический факультет, однако задолго до этого зоология беспозвоночных существовала в Московском университете в качестве отделов в Институте зоологии и в Зоологическом музее. Я пришел на кафедру в 1969 г., будучи студентом, затем стал преподавателем, а с 2000 г. — заведующим; застал Л.А.Зенкевича, Я.А.Бирштейна, К.А.Воскресенского, Н.А.Перцова, В.А.Свешникова, К.В.Беклемишева, М.С.Гилярова и других выдающихся зоологов. Поэтому об истории зоологии беспозвоночных и ярких личностях, работавших на кафедре в прежние годы, узнавал не только из книг, но и из рассказов старших коллег. Жесткие рамки журнальной публикации не позволяют упомянуть всех, кто дорог моему сердцу, но я обещаю сделать это в будущем.

«Изучи во всех подробностях животных своей родины»

Впервые курс лекций по зоологии беспозвоночных в университете начал читать в 1842 г. Карл Францевич Рулье, — выдающийся ученый энциклопедист, который независимо от Ч.Дарвина пришел к идее эволюционного развития органического мира. По мнению Рулье, хорошо знавшего, кроме всего прочего, геологию и минералогию, это было частью грандиозного процесса исторического развития от формирования Солнечной системы до появления человека. Послушать образные рассказы о происхождении Солнечной системы (согласно теории Канта и Лапласа), развитии Земли как небесного тела и обители жизни, последовательном появлении различных групп организмов собиралась вся Москва. В середине XIX в. высказывать идеи, противоречащие буквально истолкованному тексту Библии, было рискованно. Против лекций Рулье выступил митрополит Филарет; в обращении к священному Синоду он сообщил, что Рулье «смущает умы и поучает даже мещан и простых крестьян находить в книге Бытия мифологию» [1]. Рулье был вынужден дополнить уже опубликованный курс лек-

ций «Послесловием», где писал, что «научная гипотеза заслуживает уважения только в той степени, в которой представляется согласованной с непреложным свидетельством слова Божия».

Первейшей обязанностью зоолога Рулье считал исследование фауны России: «Не гонись за диковинками тропических стран: изучи во всех подробностях животных своей родины». Он пытался обосновать причинную зависимость эволюции живых форм от изменения среды их обитания: «животное существует под непрерывным участием внешних условий и изменяется с изменением последних». Вот почему Рулье можно считать одним из основоположников отечественной экологии и эволюционной палеонтологии.

Рулье скончался в возрасте 42 лет и похоронен на Введенском кладбище в Москве. На его могиле выбиты слова: «В природе — всеобщее непрерывное движение, и безусловная смерть невозможна».

Рулье выдвинул идею акклиматизации новых видов животных для хозяйственного использования. По поручению Рулье этой проблемой занимался его ближайший ученик Анатолий Петрович Богданов*. Круг науч-

* Подробнее об А.П.Богданове см. в этом же номере публикацию на с.92—96. — Прим. ред.

ных интересов члена корреспондента Императорской Академии профессора А.П.Богданова был необычайно широк: помимо акклиматизации он занимался систематикой и географией животных, медицинской паразитологией и антропологией. Он был талантливым организатором и основал знаменитое Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Общество акклиматизации животных и растений, постоянно действующие этнографическую, политехническую и антропологическую выставки, на базе которых образованы Политехнический и Антропологический музеи. Богданов возглавлял университетский Зоологический музей, в структуру которого ввел специальный раздел беспозвоночных животных. Появление первого зоопарка в России, Московского зоопарка, — тоже заслуга Богданова. Он называл его «живым музеем под открытым небом». Одна из старейших биостанций России, гидробиологическая станция на оз. Глубоком (Подмосковье), создана также по инициативе Богданова одним из его ближайших учеников Н.Ю.Зографом. А вместе с А.О.Ковалевским Богданов, понимая важность развития морских исследований для российской науки, организовал Севастопольскую биологическую станцию (ныне — Институт биологии южных морей Национальной академии наук Украины).

Ученики Богданова — известные биологи, на десятилетия определившие основные направления зоологической науки и образования в нашей стране: академики РАН (Д.Н.Анучин, Л.С.Берг, С.А.Зернов, Н.М.Кулагин, Н.В.Насонов и В.М.Шимкевич) и профессора, возглавлявшие университетские кафедры Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Варшавы и других городов (Н.Ю.Зограф, Г.А.Кожевников, А.А.Коротнев, С.С.Четвериков и др.).

Преемником Богданова стал его ученик — Александр Андреевич Тихомиров — автор превос-

ходных исследований по развитию гидроидных полипов, ракообразных и насекомых. Изучая эмбриогенез тутового шелкопряда, Александр Андреевич обнаружил, что действие кислот, высокой температуры и электрических разрядов может побудить к развитию неоплодотворенные яйца. Исследования Тихомирова по искусственному партеногенезу шелкопряда стали предтечей блестящих работ академика Б.Л.Астаурова и его сотрудников, имевших огромное значение для генетики и практического шелководства.

Не менее известен Тихомиров как яростный борец с атеизмом, широко распространенным в университетской среде во второй половине XIX в. Он возмущенно выступал против К.А.Тимирязева, про которого говорил, что тот «за казенный счет изгоняет Бога из науки». Особенно Тихомиров ненавидел либералов и в крайне пренебрежительной форме отзывался даже о весьма умеренном либерале крупном зоологе М.А.Мензбиро [2]. Критика дарвинизма снискала Тихомирову большую популярность среди духовенства; священнослужители занимали первые ряды в аудитории, поэтому лекции он начинал с обращения «Ваши преосвященства, милостивые государи и милостивые государыни». Студенты и молодые ученые, мягко говоря, не разделяли антидарвинистских взглядов Тихомирова. Специализировавшийся по зоологии беспозвоночных у Тихомирова Б.Н.Бугаев (писатель-символист, известный под псевдонимом Андрей Белый) в воспоминаниях пишет: «Вид этого ломающегося профессора (может, от нервности) укреплял мысль о происхождении от макак этих гримас, — обезьяньих и вырожденческих». Стиль же его лекций — «аллегорическое барокко, гофрированные выкрутасы подробностей, философических отступлений, порой интересных; а в целом топилась главная мысль...» [3].

К.Ф.Рулье (1814–1858) [11].

А.П.Богданов (1834–1896).

Фото из архива кафедры

А.А.Тихомиров (1850–1931).

Фото К.Г.Михайлова

Г.А.Кожевников (1866–1933).

Фото из архива кафедры

Антидарвинистские и черносотенные взгляды Тихомирова весьма способствовали его карьере: он стал ректором Московского университета и попечителем Московского учебного округа. В его подчинении оказались все учебные заведения Москвы. Заведование Институтом зоологии и Зоологическим музеем он передал Г.А.Кожевникову с условием, что тот сохранит прежних сотрудников. Добросердечный Кожевников не только оставил сотрудников Тихомирова, но и заботился о нем после 1917 г., когда престарелый Тихомиров, как бывший царский сановник, лишился рабобы, пенсии и жил в нищете в Сергиевом Посаде.

Георгий Александрович Кожевников был энтомологом, первым в России начал исследования пещерной фауны, проявлений полиморфизма у общественных насекомых (в частности, обнаружил переходные формы между рабочей пчелой и маткой), был инициатором исследований биологии малярийных комаров и их роли в эпидемиологии малярии на территории Российской империи. Как и Рулье, он настаивал на необходимости изучения отечественной фауны, одним из

первых высказался за создание заповедников. В его кабинете висело латинское изречение «*Primo nosce patriam, postea viator eris*» («Сначала познай родину, а потом становись путешественником»). В 1908 г. Кожевников основал биологическую станцию на озере Косино (у одноименной ж/д станции в Подмоскowie), просуществовавшую до начала 40-х годов прошлого столетия.

Георгий Александрович слыл рассеянным чудаковатым профессором, с ним постоянно случались какие-то казусы: он проваливался в водопроводный люк, оступался на ступеньках и т. п., но всегда ему удавалось уцелеть. Чудом он остался жив и после страшной истории, о которой стоит рассказать подробнее. Кожевников поручил съездить в банк за выделенными для Зоологического музея деньгами молодому ассистенту кафедры Н.Н.Плавильщикову, который привез деньги на квартиру профессора и, когда тот пересчитывал их, вдруг достал из кармана револьвер и дважды выстрелил в его голову. На шум прибежала домработница, Плавильщиков выстрелил и в нее, после чего спокойно спустился на этаж ниже, зашел в лабораторию гистологии и завел какой-то ученый разговор. Собралась толпа, вызвали врачей и милицию, поднялся в квартиру и Плавильщиков, на которого тут же указала пришедшая в сознание домработница. Его арестовали и доставили в ЧК, но объяснить происшедшее он не мог, и его сочли невменяемым, поскольку он даже не пытался скрыться с места преступления. К тому же защитники Плавильщикова привели еще один аргумент, окончательно убедивший чекистов: «На свете существует миллион видов насекомых, и Плавильщиков знает все их латинские названия. Разве может такой человек быть нормальным?». Еще много лет проработал он в Зоологическом музее МГУ, его перу принадле

жит несколько научных и научно-популярных книг, в том числе знаменитый «Гомункулус» — увлекательное повествование о выдающихся натуралистах прошлого, книга, приведшая в науку не одно поколение читателей.

В 1929 г. старорежимный профессор Кожевников был отстранен от руководства Зоологическим музеем МГУ. Как специалист по медоносной пчеле он продолжал читать лекции на курсах пчеловодов. Однако в начале 30-х годов к пчеловодам появились политические претензии: пчелы не хотели жить в колхозах, и пасечники оставались одной из последних групп сельских единоличников. Кожевникова стали вызывать на ночные допросы в ГПУ. После одного из таких допросов он скоропостижно скончался от инсульта. Кожевников дружил с анатомом Б.К.Гиндце, которому завещал свой мозг для исследований. При вскрытии тела Кожевникова выяснилось, что кости его черепа имели необыкновенно большую толщину. Вот почему их не пробил пули из револьвера Плавильщикова.

«Мы плыли на Персее по морям...»

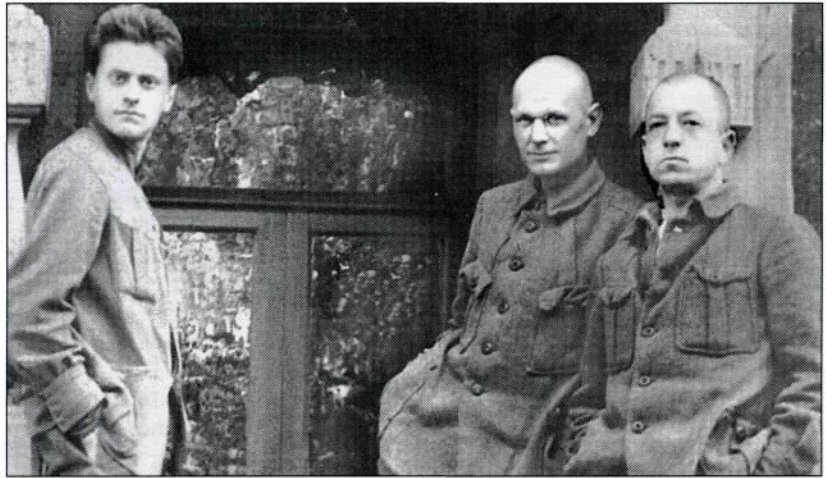
С начала 20-х годов в научных исследованиях зоологов беспозвоночных стало набирать силу морское направление. В 1921 г. сотрудники Института зоологии МГУ создали Плавучий морской биологический институт, который возглавил профессор Иван Илларионович Месяцев. Под его руководством начались исследования фауны и флоры арктических морей России. Сначала они проводились на лебедковом пароходе «Мальгин», а потом на специально построенном научно-исследовательском деревянном судне «Персей», дошедшем до 81° с.ш., куда не проникали даже ледоколы. Эти экспедиции, в которых участвовали выдающиеся исследо

ватели Мирового океана (В.Г.Богоров, В.А.Броцкая, Л.А.Зенкевич, Н.Н.Зубов, М.В.Кленова, С.В.Обручев, Т.С.Расс, А.А.Шорыгин, В.В.Шулейкин, В.А.Яшнов и др.), заложили основы отечественной океанологии.

В 1930 г. структура Московского университета была изменена: вместо Зоологического института возникло несколько зоологических кафедр, в том числе кафедра зоологии и сравнительной анатомии беспозвоночных. Первым ее заведующим стал Лев Александрович Зенкевич, который руководил кафедрой в течение 40 лет. В 1933 г. во время очередной морской экспедиции на «Персее» его арестовали по стандартному обвинению в антисоветской деятельности, пробыл он в заключении около полугода и был освобожден с трехлетним условным сроком. Студенты 30-х годов вспоминали, каким они увидели профессора после возвращения: он пришел на лекцию в лагерных опорках. Пережил Зенкевич не только сталинские репрессии, но и сессию ВАСХНИЛ 1948 г., и последовавший разгул лысенковщины, и волюнтаризм Н.С.Хрущева, застал оттепель 60-х и даже начало застоя.

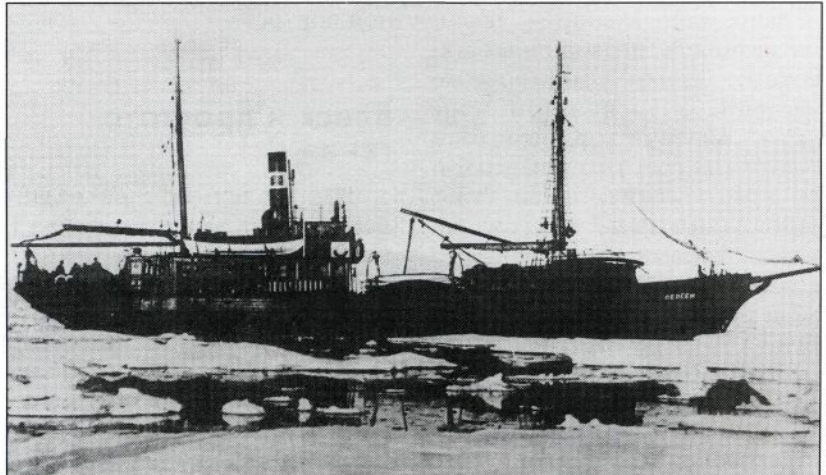
Несмотря на все испытания, выпавшие на долю этого поколения российских интеллигентов, Зенкевич и его соратники (Г.Г.Абрикосов, Ф.А.Лаврехин, В.А.Броцкая, Я.А.Бирштейн и др.) заложили основы высшего биологического образования: до сих пор обучение ведется по составленным ими лекционным курсам и практикумам. Много внимания Лев Александрович уделял исследованию глубоководной фауны, проблемам морской биоценологии, биогеографии, акклиматизации морских организмов, разработал учение о биологической структуре океана и теории эволюции морской фауны.

Классические труды Зенкевича («Фауна и биологическая продуктивность моря», «Моря СССР, их фауна и флора», «Биология

Слева направо: В.В.Алпатов (1898–1979), И.И.Месяцев (1885–1940) и Л.А.Зенкевич (1889–1970). Фотография середины 20-х годов.

Фото из архива кафедры

Первое российское научно-исследовательское судно «Персей».

Фото из архива кафедры

морей СССР» и др.) переведены на английский, польский и японский языки и широко известны во всем мире. Лев Александрович удостоен Сталинской (1951) и Ленинской (1965) премий, его заслуги оценены и за пределами отечества, о чем свидетельствуют многочисленные медали (в частности, он был награжден золотой медалью принца Альберта Монакского — высшей наградой Французского океанографического института), почетные звания и членства в иностранных академиях.

Зенкевич был одним из основателей Института океанологии АН СССР, в котором руководил отделом бентоса и возглавлял многочисленные экспедиции на научно-исследовательских судах «Персей», «Витязь», «Академик Курчатов».

Участвовали в них и сотрудники кафедры, где морская биология также стала основной научной тематикой. Помимо совместных с Институтом океанологии исследований, сотрудники кафедры вели и самостоятельные работы. Одно из важ-

Л.А.Зенкевич на лекции по зоологии беспозвоночных в середине 60-х годов.
Фото из архива кафедры

нейших направлений — акклиматизация беспозвоночных животных Азово Черноморского бассейна в Каспийском море для увеличения кормовой базы осетровых рыб. По сути, это было продолжением идей Рулье и Богданова и в то же время одной из первых в мире попыток сознательной акклиматизации морских беспозвоночных. Особенно большое значение имели работы по вселению в 1936—1941 гг. в Каспийское море многощетинкового червя *Nereis diversicolor* и двустворчатого моллюска *Abra (Syndesmia) ovata*. Руководил работами Зенкевич, а участвовали в них сотрудники кафедры (Г.М.Беляев, Я.А.Бирштейн, Н.Ю.Соколова) и их коллеги из Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (А.Ф.Карпевич и Е.Н.Бокова). Считалось, что обогащение фауны Каспия прошло успешно, поскольку не вызвало вредных или вообще каких либо непредвиденных последствий для экосистемы. Однако в послевоенные годы началась ожесточенная дискуссия: некоторые биологи (известный ихтиолог Н.В.Лебедев, гидробиолог К.А.Воскресенский и др.) сочли, что переселение нереиса принесло не пользу, а вред,

и что не осетры едят нереисов, а нереисы поедают мальков осетра. Учитывая напряженную атмосферу в стране, в которой не прекращались поиски «врагов народа» и «вредителей», последствия этой дискуссии могли быть печальными для любой из сторон. К счастью, никто из участников этого спора серьезно не пострадал, и годы спустя они продолжали работать в одном коллективе, так же как в Каспийском море мирно жили нереисы и осетры. Тем не менее отголоски этой борьбы долгие годы звучали на кафедре, постепенно затухая по мере старения и ухода из жизни основных участников драмы. Литературным памятником этого противостояния стала повесть В.А.Каверина «Двойной портрет».

Блеск и простота гения

В 1931 г. при кафедре создана Лаборатория экологии и полезных беспозвоночных, руководил ею выдающийся зоолог Владимир Владимирович Алпатов — ученик Кожевникова, энтузиаст экспериментального изучения биологии животных с применением математических методов (он читал курс по общей экологии и биометрии). В 1927—1929 гг. Алпатову удалось стать стипендиатом Рокфеллеровского фонда и пройти стажировку в университете Дж.Гопкинса в Балтиморе (США) в лаборатории Р.Перла, где Владимир Владимирович занимался анализом роста популяций при воздействии различных условий. Одним из объектов исследования в лаборатории Перла в то время уже стала знаменитая плодовая мушка дрозофила. Алпатов постоянно ратовал за расширение обмена научной информацией с зарубежными коллегами, пропагандировал необходимость публикации работ отечественных ученых в международных журналах. Безусловно, это не могло остаться незамеченным, но ка-

ким то чудом Алпатов избежал ареста, а в 1937 г. сумел добиться создания Биологического реферативного журнала, в 50-е годы участвовал в создании Всесоюзного института научно-технической информации (ВИНИТИ) и стал главным редактором реферативного журнала «Биология», куда привлек многих выдающихся генетиков, потерявших работу во времена лысенковщины.

Еще до поездки в США Алпатов свела судьба с Георгием Францевичем Гаузе. Когда они познакомились, Гаузе было всего 15 лет. Еще в школьные годы он начал вести научную работу, используя биометрические методы, и в 1927 г. в немецком научном журнале вышла первая его публикация, посвященная изменчивости у азиатской саранчи. Тем не менее, будучи сыном профессора и балерины (т.е. как «классово чуждый элемент»), он не мог рассчитывать на получение высшего образования, тем более в Московском университете. Алпатов помог и в этом.

Поступив в университет, Гаузе вместе с ассистентом кафедры зоологии беспозвоночных Ниной Павловной Смарагдовой начал исследования по физиологической экологии инфузорий, а затем перешел к экспериментальному изучению взаимодействия видов в модельных сообществах. Эти эксперименты позволили ему сформулировать ставший классическим принцип конкурентного исключения («правило Гаузе»), который был положен в основу учения об экологических нишах — одного из базисных положений современной экологии. Гаузе содержал вместе хищных инфузорий дидинимов и их жертв инфузорий туфельек и показал, что в однородной среде хищник полностью истребляет жертв, а потом вымирал сам. Если же для жертвы было построено убежище (в виде оттянутого донышка пробирки, в котором изящная туфелька могла спрятаться от бочонковидного дидиниума),

Г.Ф.Гаузе (1910–1986)
в середине 30-х годов.

Фото из архива кафедры

то в культуре возникали синусоидальные волны численности хищника и жертвы. Тем самым было получено экспериментальное обоснование математическим моделям поведения системы хищник-жертва, которые разрабатывали математики В.Вольтерра и А.Лотка. Результаты этих работ легли в основу двух монографий, которые были опубликованы в США и Франции, но остались мало известными в Советском Союзе, поскольку так и не были изданы на русском языке [4, 5]. Поразительные по простоте и ясности работы Гаузе наполнили в необычайно молодом возрасте — 19–24 года, а в 26 лет стал доктором биологических наук — самым молодым в истории отечественной биологии. Это были блеск и просто та подлинного гения.

Если бы Гаузе не сделал больше ничего, то и в этом случае его имя навсегда было бы вписано в историю мировой науки, но ведь впереди у него была еще целая жизнь. В последующие годы Гаузе (вместе с Смарагдовой) обратился к другой научной проблеме — асимметрии биологических молекул. После начала Великой Отечественной войны

Гаузе вместе со своей женой Марией Георгиевной Бражникова создал первый советский антибиотик грамицидин, который немедленно был введен в практику военной хирургии. Открытие грамицидина имело огромное значение для всей мировой медицины. За открытие грамицидина Гаузе и Бражникова в 1946 г. были удостоены Сталинской премии. В 1944 г. Минздрав СССР передал секрет производства грамицидина Великобритании — союзнику по антигитлеровской коалиции. В лаборатории Д.Хочкинса тогда же появилась студентка химик, которой было поручено изучение кристаллической структуры советского антибиотика. Этой студенткой была Маргарет Тэтчер — будущий премьер-министр Великобритании [6].

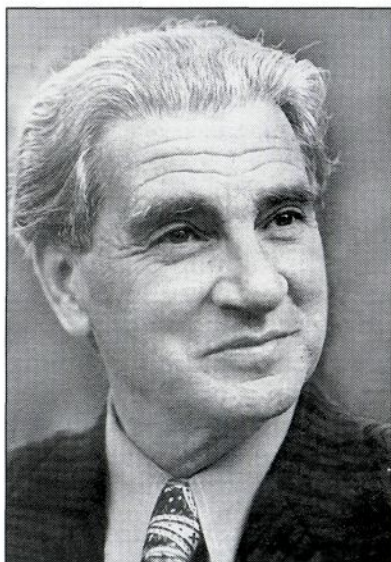
В послевоенные годы Гаузе работал в Институте по изысканию новых антибиотиков АМН СССР (с 1960 г. по 1986 г. был его директором), стал действительным членом Академии медицинских наук. К сожалению, связи Гаузе с кафедрой постепенно прекратились. Ныне многие сотрудники и студенты даже не подозревают о том, что знаменитое «правило Гаузе» было открыто в стенах кафедры, как и о том, что эколог Гаузе и микробиолог Гаузе — одно и то же лицо.

Подвиг длиною в жизнь

Иначе сложилась судьба другого сотрудника кафедры Николая Андреевича Перцова, имя которого теперь носит Беломорская биостанция МГУ (ББС). Зенкевич хорошо понимал, что для успешного развития научной работы и биологического образования Московский университет должен иметь собственную морскую биологическую станцию. Средиземноморские биологические станции (в Неаполе и в Вилла Франке, где традиционно сохранялись

так называемые «русские столы») с начала 30-х годов стали недоступны по политическим причинам, поэтому мечтой Зенкевича стало создание морской биостанции в пределах страны. В 1938 г. по его инициативе была организована студенческая экспедиция под руководством аспиранта К.А.Воскресенского, которая прошла на весельных лодках вдоль побережья Белого моря и выбрала место для будущей биостанции. Первым ее директором стал известный гидробиолог Л.Л.Россолимо, который руководил станцией до начала войны.

Настоящая история ББС началась в 1951 г., когда ее возглавил выпускник кафедры Николай Андреевич Перцов — один из наиболее ярких людей в истории кафедры, да и университета в целом [7, 8]. Зенкевич сумел распознать в нем не только незаурядного научного работника, но и блестящего организатора. Когда Перцов приехал на место, обозначенное как Беломорская биостанция МГУ, там не было ничего, кроме небольшого сарайчика «кубика» и палаток, которые устанавливали студенты на лето. В итоге на пустынном прежде берегу в Заполярье, среди тайги, возник целый научный городок, в котором одно временно могли жить и работать несколько сотен человек. Были построены лаборатории и жилые дома, проведены линии электропередач и телефон, был даже настоящий флот, состоящий из нескольких судов разного тоннажа. Была организована уникальная морская биологическая практика для студентов биологического, физического, геологического, географического и других факультетов МГУ. Одновременно сотрудники кафедры, аспиранты и студенты вели научную работу по фауне и экологии морских организмов. Под руководством К.В.Беклемишева организовано несколько рейсов научно-исследовательского судна биостанции, в которых проведена полная планк

Н.А.Перцов (1924—1987) и флот Беломорской биологической станции МГУ.

Фото из архива кафедры

тонная и бентосная съемка Белого моря. Не будет преувеличением сказать, что на ББС выросло современное поколение профессоров, доцентов и молодых сотрудников многих кафедр Московского университета.

Не менее важным был тот дух бескорыстного совместного труда и творчества, который сумел создать на биостанции Перцов. Этот дух ярче всего выразился в беломорском стройотряде — неформальном (не имеющем ничего общего с официальным стройотрядовским движением) объединении энтузиастов, которые приезжали на ББС и бесплатно работали на постройке жилых домов и лабораторий, на пилораме, на маленьком бетонном заводе, вели через тайгу ЛЭП. Организатором беломорского стройотряда был сам Перцов, и именно он и вдохнул в него тот самый дух романтики, дружбы, энтузиазма, ради которого в стройотряд так стремилась молодежь. Собственно, Перцов всю свою жизнь и был тем самым бескорыстным стройотрядовцем.

Развитие биостанции отнюдь не было гладким. Постичь, что все это делается бескорыстно, для блага биостанции, а не для себя, — было выше понимания чиновников, которые постоянно преследовали и травми-

ли Перцова. В 1987 г. он скончался от сердечного приступа. Прах Николая Андреевича покоится там, где прошла его жизнь, — на берегу Белого моря, на территории биостанции.

«Пока горит свеча...»

В 1978 г. на пост заведующего кафедрой был избран академик Меркурий Сергеевич Гиляров — потомственный интеллигент, человек высочайшей культуры и порядочности. Дед М.С.Гилярова — А.Н.Гиляров читал лекции по философии в Киевском университете. Ему посвящена глава «Здесь живет никто» в автобиографической повести К.Г.Паустовского «Беспокойная юность» [9]. Отец М.С.Гилярова — известный искусствовед С.А.Гиляров, хранитель Музея западного и восточного искусства в Киеве — разыскал где-то на киевских чердаках считавшееся исчезнувшим произведение Лукаса Кранаха — знаменитый диптих «Адам и Ева». Об этом замечательном открытии в 1929 г. была даже написана небольшая книга. Увы, Советское правительство посчитало возможным продать эту картину за рубеж, а сам С.А.Гиляров оказался в тюрьме. После войны отец М.С.Гилярова снова был аресто-

ван, и чтобы не испортить жизнь сыну, принял мученическую смерть — он сознательно уморил себя голодом в тюрьме еще до суда (в этом случае, сын мог указывать в анкетах, что отец просто умер). Можно только удивляться, как с такой наследственностью ему удалось сделать блестящую карьеру в советской науке (в частности, был академиком секретарем Отделения общей биологии, председателем Национального комитета советских биологов и др.). Это был видный советский биолог, научный авторитет которого как основателя нового направления биологической науки — почвенной зоологии — признавался во всем мире [10].

И все же на университетской кафедре среди молодежи огромную роль играют не только научные заслуги, но и общая культура и нравственный облик ученого. Меркурий Сергеевич свободно говорил на нескольких европейских языках, блестяще знал историю и литературу, был тонким ценителем живописи. Лекции он читал, да и просто разговаривал, как правило, не громко, но тот, кто давал себе труд вслушаться в это тихое бормотанье, вдруг открывал для себя неведомые богатства об разной и живой русской речи. На лекциях Гилярова многие

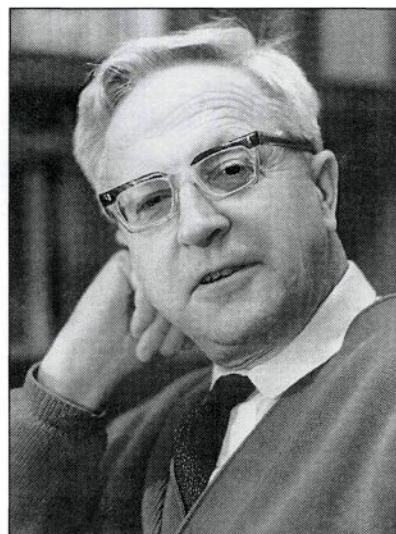
молодые люди впервые для себя слышали стихи полузапретных или полузабытых поэтов начала 20 го столетия (Гиппиус, Волошина, Бальмонта и др.). Судя по воспоминаниям К.Г.Паустовского, такая же манера была и у деда Меркурия Сергеевича — А.Н.Гилярова [9]. Слушателям иногда казалось, что на кафедре каким то чудом оказался российский профессор из серебряного века русской культуры.

М.С.Гиляров ушел из жизни в марте 1985 г. Экономически трудное для всех время перестройки совпало с очень конфликтным периодом в жизни кафедры, связанным с выбором нового заведующего (им стал Петр Владимирович Матекин, который возглавлял кафедру до 2000 г.). Это время было сложным еще и потому, что ушли из жизни старейшие сотрудники — К.А.Воскресенский, Т.И.Попова, Н.Ю.Соколова. Тяжелейшие условия жизни начала 90 х годов ударили по молодежи. Неожиданно в расцвете сил скончались талантливые молодые зоологи — А.Матвеев, И.Богданов, К.Микрюков. Многие другие ушли из науки или уехали за рубеж, и сейчас вносят вклад в науку и образование других стран, которые не затратили на их подготовку ни одной копейки (точнее, ни одного цента).

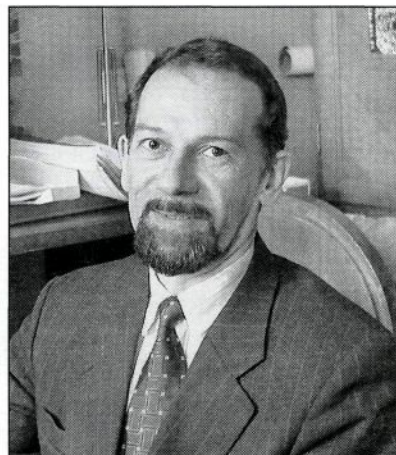
В 90 е годы на кафедре преобладали сотрудники, которые родились в послевоенные годы, учились в конце 60 х — начале 70 х и начали работать, когда уже не было мощного лидера — Л.А.Зенкевича. Это создавало своеобразную обстановку, когда молодые люди могли сами выбирать, чем им заниматься. Для творческих натур это оказалось необычайно благотворным. В итоге появилось несколько оригинально мыслящих профессоров, каждый из которых сформировал свое научное направление. Мне хочется сказать несколько слов о них — о их коллегах, труд и талант которых определяет лицо кафедры в наши дни.

Один из них — Н.Н.Марфенин. Еще в студенческие годы он увлекся изучением биологии колониальных гидроидных полипов, затем, используя их в качестве модели, занялся проблемой интеграции колонии, считая, что ее механизмы действуют и в других системах, вплоть до человеческого общества. Несмотря на изначальный скептицизм коллег, он упорно продолжал разрабатывать эту смелую идею, и теперь на эту тему уже вышло несколько книг и защищено семь кандидатских диссертаций. Другое направление, которое развивает Марфенин, — межгодовые изменения биосферы; в течение нескольких лет он с учениками отслеживает изменения в природных сообществах, вычленив антропогенную и естественную составляющие и пытаясь уловить вектор, в котором меняется климат и природа Земли.

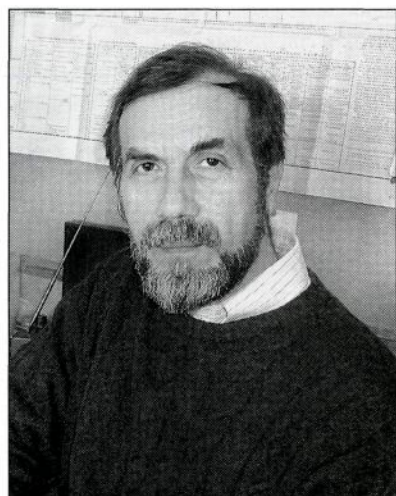
А.В.Чесунов — зоолог классического склада, даже внешним обликом и манерами напоминающий профессоров XIX в. Еще в студенческие годы выбрал в качестве объекта исследований свободноживущих круглых червей — морских нематод. Он описал десятки их новых видов, родов и семейств и сделал удивительные открытия, мимо которых проходили поколения зоологов. Чесунов обнаружил круглых червей, паразитирующих в организме других нематод (свой в своих!). Более того, он нашел таких нематод (многоклеточных организмов!), которые паразитируют в цитоплазме одноклеточных фораминиферов (в 2001 г. это открытие было удостоено Ломоносовской премии). В последние годы Чесунов увлекся изучением фауны организмов, обитающих на внутренней поверхности морских льдов. Оказалось, что этот биотоп (своего рода дно наоборот), занимающий в полярных широтах площади в несколько миллионов квадратных километров, заселен богатой фауной, в которой

М.С.Гиляров (1912–1985).
Фото из семейного архива

Н.Н.Марфенин.

А.В.Чесунов.

А.Б.Цетлин.

главное место занимают вездесущие нематоды.

А.Б.Цетлин — скромный, мудрый и ироничный человек — еще студентом начал изучать систематику многощетинковых червей — полихет, потом увлекся их морфологией и анатомией и постепенно превратился в ведущего знатока этих животных, авторитет которого признается во всем мире. Однако главный

талант Цетлина, — удивительная тяга к новым методам исследования. Он внедрил и развил на кафедре водолазные методы исследования, которые буквально спасли морскую тематику кафедры в 90-е годы, когда организация дальних морских экспедиций стала невозможной. Цетлин обучил огромное число молодых зоологов новейшим методам электронной микроскопии, а сейчас внедряет новейшие иммунофлуоресцентные методы изучения анатомии беспозвоночных. Цетлин — прекрасный организатор и руководитель, причем он умеет руководить, совершенно не выпячивая свое лидерство, именно таким руководителем люди подчиняются особенно охотно.

За полтора века изучением беспозвоночных животных в Московском университете занимались исследователи нескольких поколений. Получили образование и продолжили жизнь в других научных учреждениях многие сотни специалистов, среди которых — цвет оте-

чественной биологической науки: академики, профессора, доктора и кандидаты наук. Кто то оставался на кафедре, вырос, становился опытным преподавателем и исследователем. Время неумолимо. Закончили свой жизненный путь многие из тех, чьи имена упомянуты в этом кратком очерке. Их труд живет в их учениках, в созданных ими лекционных курсах, практикумах, научных трудах, кафедральных коллекциях.

Кафедра — это живой организм, а люди — частицы, из которых он состоит. По образному выражению профессора нашей кафедры В.Н.Беклемишева, «живой организм не обладает постоянством формы — форма его подобна пламени, образующему поток быстро несущихся раскаленных частиц; частицы меняются, форма остается». Люди приходят и уходят, а кафедра живет, как живет пламя, свет которого — всего лишь свечение быстро проносящихся сквозь него частиц. Пусть же эта пламя горит вечно! ■

Литература

1. Райков Б.М. Предшественники Дарвина в России. М., 1951.
2. Кузин Б.С. Воспоминания, произведения, переписка. СПб., 1999.
3. Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1989.
4. Gause G.F. The struggle for the existence. Baltimore, 1934.
5. Gause G.F. Verifications experimentales de la theorie mathematique de la lutte pour la vie. Paris, 1935.
6. Галл Я.М. Г.Ф.Гаузе: эколог и эволюционист. СПб., 1997.
7. Шноль С.Э. Герои и злодеи российской науки. М., 1997.
8. Шноль С.Э. Николай Андреевич Перцов // Природа. 1983. №8. С.42—58.
9. Паустовский К.Г. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1967.
10. Гиляров А.М. О моем отце // Природа. 2002. №12. С.10—24.
11. Плавильщиков Н.И. Гомункулус. М., 1971.